

Дмитрий Андреевич Коропчевский

**Давид Ливингстон. Его
жизнь, путешествия и
географические открытия**

Жизнь замечательных людей

Дмитрий Коропчевский

**Давид Ливингстон. Его
жизнь, путешествия и
географические открытия**

«Public Domain»

Коропчевский Д. А.

Давид Ливингстон. Его жизнь, путешествия и географические открытия / Д. А. Коропчевский — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Годы детства и юности	6
Глава II. Первые годы в Африке	10
Глава III. Три путешествия из Колобенга	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Д. А. Коропчевский Давид Ливингстон. Его жизнь, путешествия и географические открытия

*Биографический очерк Д. А. Коропчевского
С портретом Ливингстона, гравированным в Лейпциге Геданом,
и с географической картой*

Глава I. Годы детства и юности

Бедная семья. – Детство. – Работа на фабрике. – Вечерние классы и чтение. – Душевный перелом. – Поступление в университет Глазго. – Предложение Лондонскому миссионерскому обществу. – Испытания. – Окончание медицинского образования. – Выбор Африки для миссионерской деятельности.

Ливингстон был родом из горной Шотландии. Дед его с острова Ульвы переселился в 1792 году в местечко Блентайр в Лэнкшире, расположенное на берегах Клейда, в семи милях от Глазго. Он работал там на шерстопрядильной фабрике и был известен своею честностью: хозяева поручали ему крупные суммы для доставления из Глазго на фабрику; еще о нем сохранилось сведение, что он не жалел денег на покупку книг для своих детей. У него было несколько сыновей, которые все погибли во время наполеоновских войн, за исключением одного, Нейля, бывшего отцом Давида Ливингстона. Нейль занимался разносной чайной торговлей и продажей брошюр религиозного и нравственного содержания. Ливингстон с величайшим уважением отзывается о характере своего отца. Вся жизнь его была проникнута сознанием христианского долга; он был миссионером в душе, отдавая все свободные часы чтению духовных книг, преподаванию в воскресной школе и участию в религиозных и благотворительных обществах. В 1810 году Нейль Ливингстон женился на Агнессе Гентер, происходившей из такой же бедной и почтенной семьи. После неудачной попытки устроиться в Глазго, молодые супруги переселились в Блентайр, где у них родилось пять сыновей и две дочери, из которых два мальчика умерли в детстве. Ливингстон вспоминает о годах своего младенчества как о времени вполне счастливого благодаря спокойной и трудолюбивой деятельности отца и добродушной, оживлявшей всю семью веселости матери. Если он чем-либо гордился, то именно происхождением от простых и честных родителей. На надгробном камне их он сделал следующую надпись: «Место упокоения Нейля Ливингстона и Агнессы Гентер, его жены. Их дети Джон, Давид, Жанетта, Чарльз и Агнесса благодарят Бога за своих бедных и благочестивых родителей».

Давид Ливингстон родился 19 марта 1813 года. Он был любимцем семьи, внося никогда не изменявшую ему веселость в игры братьев и сестер и в семейные вечерние собрания, в которых он с детской откровенностью рассказывал обо всем, что думал и что его интересовало! Начальное образование получил он в деревенской школе. Десяти лет родители должны были отдать его на фабрику, где сначала он занимался разматыванием шерсти, а впоследствии получил место ткача. Из первого недельного заработка юноша купил себе латинскую грамматику и с величайшим рвением изучал этот язык после работы на фабрике, в вечерних классах, от восьми до десяти часов; ему нужно было вставать в шесть часов утра, чтобы идти на работу, но матери приходилось присматривать за ним, чтобы он не ложился спать позже полуночи. Работа на фабрике продолжалась от шести часов утра до восьми вечера, с небольшими перерывами для завтрака и обеда. Ливингстон, страстно любя чтение, клал книгу около машины и читал, хотя необходимость следить за работой не позволяла ему сосредоточиваться на чтении более одной минуты подряд. Он читал все, за исключением романов, которые вообще не пользовались почетом в его семье; к шестнадцати годам Ливингстон уже мог свободно читать Вергилия и Горация. Не довольствуясь чтением, в праздничные дни он вместе со своими братьями обходил окрестности города, изучая их в ботаническом, зоологическом и геологическом отношении.

На двадцатом году в душевной жизни Ливингстона произошла перемена, имевшая влияние на всю его судьбу. Еще с двенадцати лет он серьезно размышлял о своей греховности и считал себя недостойным к восприятию божественной благодати. Наконец наступило время, когда он почувствовал эту благодать в своей душе вместе с непреодолимым желанием

посвятить себя служению Богу. Новую душевную жизнь, пробудившуюся в нем, он сравнивает с обращением апостола Павла, Блаженного Августина и других. Стремление исполнить завет Христа – «положить душу свою за людей» – определило его призвание. Он не сразу напал на мысль самому сделаться миссионером и сперва только отдавал обществу миссионеров все, что оставалось у него от удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Намерение сделаться миссионером явилось у него на двадцать первом году, после прочтения воззвания миссионера Гюцлафа, обращенного к английским и американским церквям относительно христианского просвещения Китая; с тех пор вся его энергия была направлена к осуществлению этого намерения. Когда он сообщил о нем духовнику и родителям, они ответили ему полным одобрением.

Ливингстон не хотел ограничить подготовку к деятельности миссионера одним изучением богословских наук и решил, кроме того, пройти курс врачебного искусства, чтобы быть еще более полезным для будущей паствы. Изучение медицины было сопряжено с большими затратами, но предстоявшие денежные затруднения не остановили Ливингстона; он работал в течение шести летних месяцев для того, чтобы приобрести возможность во время зимнего семестра оплачивать свою жизнь в городе и слушание лекций. С помощью отца он отыскал себе комнату в Глазго, стоившую два шиллинга (90 коп.) в неделю. К концу семестра, в апреле 1837 года, молодой человек возвратился в Блентайр и продолжал работать на фабрике; но ему все-таки не удалось собрать нужную сумму на следующий семестр, и недостававшую часть ее он занял у брата. В первые два семестра Ливингстон слушал лекции греческого языка и богословия в университете и лекции медицинских наук в Андерсеновской коллегии; последние стояли для него на первом плане. В это время он сблизился с профессором физиологии Бьюкэненом, профессором химии Грегэмом и в особенности с ассистентом последнего Джемсом Юнгом, дружбу с которым сохранил в течение всей своей жизни.

Во втором семестре (1837—1838 годы) Ливингстон обратился к Лондонскому миссионерскому обществу с предложением своих услуг в качестве миссионера. В письме к лицам, заведующим обществом, он высказывает свое отношение к деятельности, которую искал для себя. «Прежде всего, – говорит он, – миссионер должен всеми зависящими от него средствами: путем проповедей, поучений, бесед, образования юношества – распространять евангельские истины, по мере возможности вносить в ту среду, где он находится, искусства и науки цивилизации и употреблять все усилия, чтобы христианство становилось доступнее сердцу и совести просвещаемых». Он не скрывает от себя всех трудностей, опасностей и испытаний, какие неизбежно встречают миссионера на его пути, и изъявляет полную готовность подвергнуться им, в надежде на помощь Божию, причем добавляет, что он не женат и не думает жениться, так как не хочет, чтобы семейные заботы отвлекали его от выполнения предстоящего ему долга.

Предложение Ливингстона было принято, и в сентябре 1838 года он был вызван в Лондон, чтобы представиться руководителям общества. Там он познакомился с Джозефом Муром, прибывшим из Южной Англии для той же цели и служившим впоследствии миссионером на острове Таити. Мур рассказывает, что чем ближе он узнавал Ливингстона, тем более привязывался к нему; несмотря на свойственную ему неловкость и вовсе не располагающую наружность, в нем было что-то необъяснимо привлекательное, одинаково действовавшее на всех имевших с ним дело. После предварительных испытаний миссионерское общество отправило Ливингстона и Мура к священнику Ричарду Сесилю, жившему в Онгаре в Эссексе, под руководством которого будущие миссионеры должны были готовиться в течение трех месяцев. В обязанности учеников Сесил я входило сочинение проповедей, которые после исправления учителя должны были произноситься перед деревенской общиной. Дебют Ливингстона на этом поприще оказался крайне неудачным. В назначенный час он

взошел на кафедру, громко и с чувством прочитал текст, но затем не в силах был что-либо произнести. Пробормотав: «Друзья, я забыл все, что хотел сказать», оратор поспешно сошел с кафедры и вышел из церкви. Он и впоследствии не сделался проповедником и вообще затруднялся говорить с кафедры в общественных собраниях. Но когда приходила очередь Ливингстона читать вечерние молитвы, он читал их так, что производил на слушателей глубокое впечатление. Исаак Тэйлор, прославившийся впоследствии как археолог и живший в детском возрасте в Онгаре, когда там находился Ливингстон, вспоминает, что в нем его особенно поражало соединение простоты и решительности. Через сорок лет после того он не мог забыть шага, каким ходил Ливингстон – крепкого, отчетливого, не слишком спешного и не слишком медленного, как будто выговаривавшего: «к цели».

Неудавшаяся проповедь Ливингстона и его своеобразное чтение молитв вызвали неблагоприятный отзыв о нем в отчете Сесилия миссионерскому обществу. Последнее готово уже было отвергнуть просьбу Ливингстона, но кто-то из состава совета предложил продлить время его испытания еще на несколько месяцев. Такое же дополнительное испытание должен был выдержать и Джозеф Мур. Наконец оба они были приняты в число будущих миссионеров. Ливингстон просил, чтобы ему разрешено было остаться еще некоторое время в Лондоне для завершения медицинского образования. Он познакомился с доктором Беннеттом, резидентом королевской коллегии врачей в Лондоне, и занимался медициной под его руководством. Благодаря госпитальной практике, какую мог ему доставить Беннетт, Ливингстон вскоре пополнил недостававшие ему практические сведения и, по отзыву Беннетта, приобрел необходимые познания в терапии и хирургии, оказавшие ему неоценимые услуги в его последующей деятельности. В свободное время Ливингстон работал в Гентеровском музее, изучая сравнительную анатомию под руководством знаменитого Ричарда Оуэна, внимание которого он привлек к себе горячей любовью к естествознанию. И на других лиц, знавших его в ту пору в Лондоне, он производил самое благоприятное впечатление. Помимо всегдашней доброты и готовности помочь страждущему и нуждающемуся, он оставил по себе память добродушной прямоотой и неуклонным следованием своим убеждениям, выказывая эти качества в общении со всеми, с кем ему приходилось встречаться. Однако никто еще не подозревал тогда замечательных умственных и нравственных сил, какие таились в нем, и даже руководители миссионерского общества были о нем невысокого мнения. Впрочем, как замечает биограф Ливингстона Гэрден Блэки, развитие его шло весьма медленно, и только в последний год своего пребывания в Лондоне он достиг настоящей умственной зрелости и отчасти выказал свои выдающиеся способности.

Ливингстон вынужден был отказаться от первоначального намерения ехать в Китай, так как Англия в то время была в состоянии войны с этим государством. В Вест-Индию ему ехать не хотелось, потому что наличие достаточного количества правительственных врачей не позволило бы там применить ему свой медицинские познания, а в Ост-Индию миссионерское общество не решалось отправить новичка, считая его недостаточно способным для занятия тамошних наиболее важных постов. Эти обстоятельства и встреча с известным африканским миссионером Моффатом указали ему Африку как место его будущей деятельности. В таком повороте своей судьбы Ливингстон видел только определение свыше и с величайшей радостью вступил на новый открывавшийся перед ним путь.

Перед отъездом из Лондона он опасно заболел, но возвращение на родину оказало благотворное влияние на его здоровье, и спустя недолгое время он уже был в силах предпринять предстоявшее ему далекое путешествие. В ноябре 1840 года он получил диплом доктора медицины в Глазго и заехал домой только на одну ночь, чтобы проститься с родными. Ему хотелось многое сказать им, он предложил даже просидеть всю ночь, но мать не позволила этого, и они легли в обыкновенное время. На другой день все встали в пять часов утра и

отец пешком проводил сына до Глазго, где тот должен был сесть на пароход, отходивший в Ливерпуль. Здесь отец и сын простились в последний раз.

Глава II. Первые годы в Африке

Прибытие в Африку. – Взгляд Ливингстона на миссионерскую деятельность. – Поездки из Курумана для учреждения новой станции. – Маботса. – Чонуан. – Колобенг. – Женитьба. – Обращение вождя племени баквена.

20 ноября 1840 года Ливингстон принял посвящение в Лондоне и 8 декабря отплыл в Капскую колонию. Религия была для него постоянным, ежедневным делом жизни. Еще на пути к месту своего служения, находясь среди матросов, он заботится о духовном просвещении их и с огорчением замечает, что ему слишком мало удастся сделать для своей цели. У него тогда уже складывается твердое убеждение, что тайна успеха в этом случае заключается в личном влиянии. По приезде на место его опять ожидало разочарование: ему пришлось убедиться, что миссионеры проникнуты далеко не одинаковым духом и даже не обладают необходимым для их дела беспристрастием. Между колонистами и туземцами существовала более или менее открытая вражда, и миссионеры принимали сторону или тех, или других. Для Ливингстона выбор не был затруднителен: он сразу стал на сторону туземцев, терпевших притеснения от колонистов.

Прибыв в бухту Алгоа, он высадился там и сухим путем доехал до Курумана, самой северной станции миссионерского общества в Южной Африке, составлявшей обычное местопребывание Моффата. Уже при этой поездке в Ливингстоне обнаружился будущий великий путешественник. По поводу ее он говорит, что путешествие доставляет ему величайшее наслаждение. Он с восторгом описывает все новое в царстве животных и растений, встречавшееся на его пути, и собирает естественнонаучную коллекцию для профессора Оуэна, которая, впрочем, не дошла по назначению.

Согласно полученным инструкциям, Ливингстон должен был остаться в Курумани, дожидаясь там возвращения Моффата из Англии и подготовить основание нового миссионерского пункта далее к северу; но для осуществления этого плана он должен был получить еще новые указания. Последние долго не приходили, и Ливингстон томился неопределенностью своего положения. В письме к руководителям миссионерского общества от 23 сентября 1841 года он высказывает свои воззрения на миссионерскую деятельность, которые выработал уже в то время и которых держался до конца жизни. По его мнению, население Южной Африки недостаточно густо, чтобы здесь могла сосредоточиваться миссионерская деятельность; для последней будет полезнее, если поле ее раскинется как можно шире, повсюду, где есть доступ для нее и где можно приспособить для ее целей местные силы. Далее к северу население гуще, и ему хотелось немедленно отправиться туда в сопровождении другого миссионера, чтобы слиться с туземцами и изучить их язык и образ мыслей. Он намеревался взять с собою двух наиболее способных туземцев Курумана, уже обращенных в христианство, и содержание одного из них принимал на свой счет, если бы оно оказалось затруднительным для общества. Одно из самых действенных средств для распространения христианства среди дикарей он видел в подготовке учителей из туземцев; облегчая обращение последних, оно открывало для христианства страны, еще вовсе неизведанные. Что касается до него самого, то Ливингстон выказывал полную готовность жить среди дикарей, вдали от всякой цивилизации, хотя бы в течение целой жизни.

В конце того же года Ливингстон вместе с другим миссионером предпринял из Курумана поездку за 1050 верст с целью отыскать удобное место для миссионерского пункта и попытаться создать себе помощников среди темнокожего населения. Хотя в стране баквена ему удалось завязать дружественные сношения с их вождем Сечеле, но он не был удовлетворен результатом этой поездки. В феврале следующего 1842 года он опять вернулся в те же места и пробыл там несколько месяцев, оставаясь всего долее в деревне Лепелоле – к югу

от Шокуана, – резиденции Сечеле. Лишенный всяких сношений с европейцами, он занимался изучением языка и нравов баквена, что впоследствии оказало ему огромную услугу. Из Лепелоле он предпринимал поездки к северу, в страны, где живут племена бакаа, бамангвато и макалоло, между 22° и 23° ю. ш. Повсюду проповедуя туземцам истины евангелия, помогая им в болезнях и действуя на них разумными и кроткими мерами, он все более и более приобретал любовь и уважение их. Хотя стремление расположить их к принятию христианства стояло для Ливингстона на первом плане, но он деятельно занимался и научным изучением этих неизвестных стран. Еще в свое первое путешествие он высказывает замечательные соображения о строении Африканского материка и о происходящем на нем процессе высыхания; тогда же он успевает насчитать двадцать три съедобных корня и сорок три плода в пустыне Кадагари, считавшейся лишенной растительности.

По возвращении в июне 1842 года в Куруман, Ливингстон еще не нашел там ожидавшихся распоряжений миссионерского общества относительно выбора миссионерского пункта. Но промедление не ослабляло его энергии. В письме к отцу в июле того же года он писал: «Несмотря на все наши несовершенства, Слово Божие здесь распространяется. Новые души приобретаются нами для Христа и часто такие, на обращение которых нельзя было надеяться. В последнем месяце двадцать четыре человека были присоединены к церкви, и еще много желающих присоединиться».

На возвратном пути из последней поездки в Куруман Ливингстон наметил в стране племени бакатла красивую долину Маботсе для будущей миссионерской станции. До февраля 1843 года он не мог выехать из Курумана вследствие брожения, происходившего среди населения посещенных им стран. Несмотря на угрожавшую опасность, Ливингстон поехал в страну бакатла, чтобы решить вопрос о возможности основания там станции. Страна оказалась плодородною и население ее – склонным к принятию христианства; вождь племени, спрошенный о согласии на учреждение христианской миссии, ответил, что для Ливингстона, если тот приедет с этой целью, он устроит праздник, созовет своих людей, чтобы они обрабатывали ему дад, и даст ему сахарного тростника и проса больше, чем есть у него самого. Найдя в Курумани ожидавшееся им разрешение миссионерского общества, Ливингстон в августе того же года выехал с другим миссионером в Маботсе, которой достиг после сорока дней пути. В долине, окруженной горами, он купил землю у вождя племени и начал постройку станции. Он выстроил хижину в двадцать два аршина ширины и восемь аршин высоты, в которой должны были жить он сам, другой миссионер и Мебальве, туземец из Курумана, которого Ливингстон подготовил себе в помощники. Место для станции было выбрано не только ввиду красивого и здорового положения ее, но и как средоточие для миссионерской деятельности: недалеко от нее находилось более десяти деревень, доступ в которые был нетруден. В Маботсе с Ливингстоном произошел случай, едва не стоивший ему жизни. На него напал лев во время облавы на этих животных, жестоко опустошавших окрестности Маботсе. Лев, который упал было от выстрела Ливингстона, неожиданно приподнялся и бросился на смельчака; он опрокинул Ливингстона и стал уже на него передними лапами, но Мебальве, тщетно старавшийся выстрелить в страшного зверя, привлек к себе его внимание, и лев оставил своего распростертого врага, чтобы обрушиться на его товарища; грозный хищник тяжело ранил последнего, которого в свою очередь спас дикарь, вылеченный Ливингстоном от смертельной болезни; едва ли, однако, дикарь справился бы при помощи одного копья с таким противником, если бы пули, выпущенные Ливингстоном ранее, не оказали своего действия и лев не упал мертвым. От нападения льва у Ливингстона оказалась сломанной левая рука и от его зубов – одиннадцать ран на той же руке. Несчастный миссионер мог спастись от этих повреждений только благодаря своему врачебному искусству, но от неправильно сросшегося перелома левая рука его оставалась ослабленной до конца жизни.

Мужество, выдаваемое Ливингстоном при всякой опасности, и ласковое обращение с туземцами, к которым он всегда относился, как к детям, все более и более приобретали ему сочувствие окрестного темнокожего населения. Показывая дикарям пример христианской жизни своей неизменной кротостью и справедливостью, Ливингстон укреплял в них истины религии, дружески сближаясь со многими из них и поучая их на их родном языке. В то же время он изучал болезни, господствующие среди кафров, лечил их настолько удачно, что пациенты к нему приходили за двести верст, и занимался географическими и естественными исследованиями страны, избранной им для своего местопребывания. Присущее ему удивительное сочетание разнообразных нравственных и умственных интересов с замечательной подвижностью и впечатлительностью мысли лучше всего видно из его писем к родным из Маботсе. В одном из этих писем на первой странице он изливает все обилие христианской любви, которой полно его сердце, и с величайшей грустью рассказывает о смерти одного своего спутника, умершего от лихорадки, а на следующей странице чертит карту страны баквена со всеми ее реками и горами и заканчивает письмо полушутливыми, получувствительными стихами. Сам постоянно нуждаясь в деньгах, которых ему отпускалось немного, к этому письму он прилагает вексель в десять фунтов стерлингов (85 руб.) для своих родных.

Летом 1844 года Ливингстон женился на Марии Моффат, старшей дочери своего друга, миссионера в Курумани. Он изменил прежнему намерению остаться одиноким ради лучшего успеха своего дела. Его жена, стоявшая близко к миссионерской деятельности как дочь миссионера и уроженка Африки, могла быть в высшей степени полезна мужу, оказывая влияние на женскую часть населения. Перед женитьбой Ливингстон выстроил для себя небольшой отдельный домик и после свадьбы поселился в нем с женой. Но ему не удалось наладить дело миссии в Маботсе. Кафры любили Ливингстона, но неохотно следовали стеснительным для них правилам христианского учения, и Ливингстон не мог добиться, чтобы их дети правильно посещали школу. К этим неудачам присоединились несогласия с другим миссионером, жившим в Маботсе. Ливингстон, не желая смущать своих темнокожих друзей раздором между христианскими священниками, решил оставить выстроенный им дом с разведенным при нем садом и удалиться из Маботсе. Он направился к Сечеле, начальнику племени баквена, с которым еще в прежние поездки в эту местность завязал дружественные отношения, и устроил новую станцию в Чонуане, в стране баквена, верстах в четырнадцать от Маботсе. Переселение истощило его средства настолько, что жена его стала видимо слабеть от недостатка питания; ему пришлось съездить в Курумани, чтобы приобрести необходимое денежное пособие. Впрочем, ему недолго удалось прожить в Чонуане. Сечеле выказывал полное расположение не только к самому проповеднику, но и к его учению и даже предлагал Ливингстону своей властью обратить в христианство всех подвластных ему кафров; однако страшная засуха вскоре заставила Сечеле и все его племя искать другого места для жительства. Ливингстон советовал поселиться на берегу невысыхающей реки и провести из нее воду для орошения окрестных полей. Его совет был принят, и племя баквена направилось к реке Колобенг, в двенадцати верстах от Чонуана. Тотчас же был вырыт канал, который оказался чрезвычайно полезным для переселенцев. Для миссии было отведено место на небольшом скалистом возвышении над Колобенгом, и новая станция стала называться именем этой реки. Ливингстону пришлось в третий раз строить себе жилище, что было для него особенно трудно с больной рукой. Жена его должна была готовить кушанье, шить платье, готовить мыло и свечи и в то же время ходить за двумя детьми. Здесь дело миссии шло успешнее: народ ходил на воскресные службы, посылал детей в школу, и Сечеле решил наконец отпустить своих жен, приняв крещение. Тем не менее это обращение было единственным; остальные баквена, несмотря на все расположение к Ливингстону, не хотели следовать примеру своего начальника. Быть может, обращение Сечеле имело бы другое действие, если

бы баквена не постигло новое бедствие в виде такой сильной засухи, что Колобенг высох и дно его оказалось усеянным мертвой рыбой. Следующий год был таким же сухим, и просо засохло, не созревши. Кафрам, наряду со многими другими дикарями, свойственно поверье, что некоторые люди обладают волшебным искусством низводить дождь на землю. Это искусство приписывается, между прочим, вождям племени, и Сечеле прежде славился им. Теперь он уже не соглашался поддерживать репутацию колдуна, и баквена обвиняли в том Ливингстона. Они уверяли, что любят его так, как могут любить только человека, родившегося среди них, но в то же время упрашивали прекратить на некоторое время проповеди и молитвы, чтобы не мешать Сечеле низвести дождь.

Глава III. Три путешествия из Колобенга

Первая попытка проникнуть во владения Себитуане.– Сведения об обширной плодородной стране.– Озеро Нгами.– Смерть Себитуане.– Сешекке (Замбези).– Новые планы Ливингстона.– Поездка в Капштадт.– Отправление семьи в Англию. – Приезд в Линьянти. – Плавание по Замбези.

Верный своей идее расширять по возможности сферу влияния миссии, Ливингстон не думал долго оставаться у баквена. Ввиду постигшего их бедствия и угрожавшей им необходимости переселения Ливингстон должен был заботиться о перемене места своей деятельности на случай, если Колобенг будет покинут. Он часто слышал от Сечеле о могущественном начальнике Себитуане, державшем под свою власть несколько племен и обитавшем к северу от большого озера. О существовании озера знали и в Капштадте, когда там был Ливингстон, и теперь он чувствовал страстное желание первым увидеть озеро. По слухам, Себитуане был человек большого ума и энергии, и Ливингстон надеялся завязать с ним сношения, чтобы учредить в подвластной ему области новую миссионерскую станцию.

Преследуя эту цель, Ливингстон выехал 1, июня 1849 года из Колобенга в сопровождении двух друзей, англичан Освелла и Меррея, и нескольких туземцев, которые должны были присматривать за быками и лошадьми. Им предстоял переезд через пустыню Калагари, который Сечеле считал настолько опасным в это время года, что отказался ехать с ними. Хотя Калагари не представляет такой безжизненной пустыни, как Сахара, но к июню она настолько высыхает, что люди и животные с трудом находят для себя воду. Ливингстону и его спутникам пришлось жестоко страдать от недостатка последней. Миражи дразнили путешественников; однажды Освелл и Ливингстон были убеждены, что видят большое озеро, но это было лишь отражение солнечных лучей в высохшем солончаке. 4 июля путешественники приблизились наконец к широкому водному пространству; это была красивая, многоводная река Зуга, о которой туземцы говорили, что она течет из озера. Уверившись, что слухи не обманули его, что он действительно приближается к большому пресноводному озеру, Ливингстон с облегченным сердцем следовал по течению обильной водою реки, на берегах которой была богатая и разнообразная растительность и часто попадались деревни. Еще более широкие перспективы открылись перед ним, когда он дошел до впадения реки Таманакль в Зугу: он убеждался теперь в справедливости сведений, полученных от баквена, бывавших в области, подвластной Себитуане, что Таманакль – одна из многочисленных рек, орошающих эту область. Вместо громадной песчаной и плоской возвышенности, какую ученые предполагали в тех местностях, куда теперь направлялся Ливингстон, там оказывалась обильно орошенная, а следовательно, и плодородная страна. Это открытие наполняло таким восторгом душу Ливингстона, что открытие озера Нгами, к которому он подошел 4 августа, показалось ему уже не столь значительным, каким представлялось прежде. Между тем озеро было громадной водной поверхностью; противоположного берега его нельзя было видеть, и, по показаниям туземцев, нужно было не менее трех дней, чтобы объехать его кругом. Себитуане жил в трехстах верстах к северу от озера, но Ливингстон на этот раз не мог добраться до него. Лечулатебе, вождь племени бакобов, жившего у озера Нгами, желал видеть у себя Ливингстона, но не хотел, чтобы тот ехал к Себитуане: он опасался, что последний приобретет ружья у Ливингстона и его спутников и станет еще сильнее. Поэтому он запретил подвластным ему бакобам оказывать Ливингстону необходимую для него помощь при переправе через Зугу. Ливингстон пробовал построить собственными средствами плот для переправы, несмотря на опасность от водившихся здесь во множестве крокодилов; однако работа оказалась ему не по силам, и время года было слишком позднее. Он решился выступить в обратный путь, с тем чтобы в другое время возобновить свою попытку проникнуть к Себитуане.

То, что сделал Ливингстон даже в это первое путешествие, не удавалось еще никому из путешественников по Южной Африке. Лондонское географическое общество, узнав из отчетов Ливингстона миссионерскому обществу о сделанных им открытиях, прислало ему свою благодарность и двадцать пять гиней награды. Это было первое признание научных заслуг Ливингстона и первое оглашение его имени в научном мире.

В апреле следующего 1850 года Ливингстон повторил попытку добраться до Себитуане и выехал из Колобенга в сопровождении Сечеле, Мебальве, двадцати баквена, жены и детей, которых тогда у него было трое. Ему было так тяжело расставаться с семьей, что он решил взять ее с собою несмотря на опасности, какими грозило путешествие по безводным или лихорадочным местностям. Цель путешествия и на этот раз не была достигнута. Путешественников поджидало множество затруднений: по берегам Зуги растительность была чрезвычайно густа, и приходилось вырубать деревья, чтобы очищать дорогу для повозок; на берегах Таманакля оказалась страшная муха цеце, укусы которой смертельны для рогатого скота и лошадей. Доехав до озера Нгами, Ливингстон хотел оставить свою семью на попечение Лечулатебе, который уже успел выпросить за то дорогое ружье, но двое детей заболели лихорадкой, и Ливингстон поспешил вернуться домой.

Третье, более удачное путешествие было предпринято им через год, в апреле 1851 года. Он выехал из Колобенга в сопровождении Освелла и семьи, намереваясь перенести свое местопребывание в более здоровую местность, которая, по его предположению, должна была находиться к северу от озера Нгами. Путники ехали прежней дорогой и должны были пересечь Калагари в то время, когда пустыня особенно страдала от засухи. Проводник-бушмен сбился с дороги, и в течение четырех дней путешественники вовсе были лишены воды. Но, вместо того чтобы упрекнуть проводника за неосторожность и выразить опасение за участь детей, Ливингстон, как рассказывает он в своем дневнике, в эти дни сблизился с проводником и всего более сожалел, что такой способный и правдивый народ, как бушмены, лишен света христианской веры.

Дети Ливингстона жестоко страдали от тяжелых переездов и укусов moskitov, и он все более и более сознавал невозможность путешествовать вместе с ними; с другой стороны, ни в Колобенге, ни в Курумани нельзя было оставить их с уверенностью за их безопасность ввиду нападений голландских поселенцев (буров), ярых противников английской миссии, препятствовавшей им эксплуатировать местное население. Для Ливингстона представлялся только один исход – отправить семью в Англию в надежде, что со временем она вернется к нему, когда он найдет здоровую и спокойную местность во владениях Себитуане.

На Себитуане Ливингстон возлагал большие надежды. Народная молва прославляла этого могущественного вождя за его мужество и умение покорять людей не только силой, но и добротой. Ливингстону было известно, что Себитуане давно уже желает его видеть и встретит его вполне благосклонно. Приобрести расположение властителя обширной страны было делом весьма важным для успеха миссии; можно было рассчитывать, что в обширных пределах, в которых распространялась власть Себитуане, окажется наконец здоровое и удобное место для миссионерского пункта, какое искал Ливингстон. Прием Себитуане как нельзя более соответствовал его ожиданиям. Он выехал навстречу белым людям (Ливингстону и Освеллу), выказал большую радость при свидании с ними и просил ни о чем не заботиться, так как он доставит им все необходимое. Ливингстон называет Себитуане «бесспорно самым замечательным человеком во всей этой стране»; он был высокого роста и крепкого сложения, со светло-коричневым цветом кожи, и обращение его отличалось достоинством и добродушием, какого Ливингстон не видал ни у одного из африканских властителей. Он подарил гостям несколько быков и кружек меда и несколько выделанных бычачьих шкур, которые должны были заменять одеяла. На другой день после приезда европейцев, еще до рассвета, Себитуане пришел к Ливингстону и Освеллу, уселся у костра и рассказал им свою историю,

как он из вождя небольшого племени сделался властителем многих племен, расселенных на обширном пространстве. Себитуане присутствовал на первом богослужении в следующее воскресенье, и Ливингстон искренно радовался, что на его долю выпало возвестить евангельские истины выдающемуся властелину неведомой страны. Себитуане относился к нему с безусловным доверием, и близость их возрастала со дня на день, но скоро наступил неожиданный и ужасный ее конец: Себитуане заболел воспалением легких и умер после двухнедельной болезни. Ливингстон не решился взять на себя его лечение, опасаясь, что неудачный исход болезни может навлечь месть на него самого и на его семью со стороны приближенных и подчиненных Себитуане.

Смерть Себитуане была тяжелым ударом для Ливингстона, который уже надеялся распространить христианское учение в обширной стране, где о нем еще не слыхали. Власть умершего вождя переходила по закону страны к старшей дочери его, Мамочисане, и та дала Ливингстону разрешение объехать все ее владения. Ливингстон и Освелл двинулись в северо-восточном направлении, проехали через город Линьянти, служивший столицей Себитуане, и 3 августа очутились на берегу величественной реки. Эта река, называвшаяся здесь Сешеке, была Замбези, которая в то время была известна лишь в своем нижнем течении. Открытие Ливингстона, указывавшее, что Замбези протекает в этой стране, было величайшей новостью для географов и считается одним из важнейших открытий знаменитого путешественника. На этот раз он не мог осмотреть ни порогов, находящихся выше, ни водопадов, встречающихся ниже того места, где он видел Замбези; убедившись, что берега этой реки, густо поросшие тростником, неудобны для поселения и не защищают от нападений враждебных племен, Ливингстон отказался от мысли устроить здесь миссионерский пункт и решился предпринять обратную поездку в Колобенг.

Во время этого пути у него еще родился ребенок, которого он в честь своего друга назвал Уильям-Освелл Ливингстон. Старший сын его несколько раз подвергался опасным приступам лихорадки. Затруднения, какие испытывала семья Ливингстона, чрезвычайно заботили его, но нимало не отклоняли от намерения по возможности расширять сферу влияния христианской миссии, в чем он видел исполнение своего главнейшего долга. Слава знаменитого путешественника, которую он приобретал с каждым новым открытием, не столько занимала, сколько смущала его. В своих письмах Ливингстон даже отвергает возможность предположения, будто он ищет этой славы. «Я миссионер душой и телом, – пишет он отцу. – Бог послал на землю Своего Сына, который был миссионером и врачом, и я желал бы идти по Его следам, насколько достанет моих сил; в этом служении я надеюсь жить и в нем хотел бы умереть». В то время у него возникла и другая великая идея – уничтожение торговли невольниками путем открытия сообщения с морем внутренних стран Африки, чтобы обитатели последних могли выменивать европейские товары на местные произведения вместо живых людей.

Ливингстон нашел Колобенг покинутым баквена. Голландские колонисты напали на них, угнали скот и увели у Сечеле детей: они мстили ему за преданность английскому миссионеру. Как ни тяжело было Ливингстону покинуть баквена, среди которых ему пришлось прожить так долго, но ввиду дальнейших намерений он считал это необходимым. Миссионер поехал сперва в Куруман и оттуда в Капштадт. Денежные затруднения его были так велики, что он не мог шить себе нового платья взамен давно износившегося в течение одиннадцатилетних переездов. И на этот раз его выручил «лучший друг, какой у него когда-либо был в Африке», Освелл. Тому стоило, однако, большого труда уговорить его принять часть денег, полученных от продажи слоновых клыков, добытых им на охоте во время поездок с Ливингстоном. В то время англичане, вели войну с кафрами, и сочувствие, открыто высказываемое Ливингстоном притесняемым дикарям, навлекало на него неудовольствие администрации, обвинявшей всех миссионеров, заступавшихся за дикарей, в недостатке

патриотизма. Ливингстон решился наконец отправить жену и детей в Англию. В письме к директорам миссионерского общества он объясняет, что решается отдать дело воспитания своих детей в чужие руки, не желая, чтобы они были людьми без родины, какими должны быть дети миссионера, не пользующегося сочувствием и поддержкой своих соотечественников...

Семья его уехала из Капштадта 23 апреля 1852 года. Он должен был пробыть еще два месяца в Капштадте, преодолевая всевозможные препятствия со стороны администрации, отказывавшей ему даже в продаже пороха и свинца. Это время он употребил на то, чтобы избавиться от опухоли на шее, давно уже мучившей его, и на изучение приемов определения широты и долготы под руководством астронома Маклира. Лишь 8 июня оставил он Капштадт, причем мог достать для своей поездки только тощих и изнуренных быков, хотя поклажа его была значительна вследствие множества посылок, которые надавали ему для попутных городов и станций; поэтому он достиг Курумана лишь в самом конце августа, но был задержан там поломкой колеса. Однако это промедление спасло ему жизнь. Если бы он еще в августе попал в Колобенг, то не избежал бы яростного нападения враждебных ему буров, в его отсутствие разграбивших его дом; все, что было ценного, они унесли с собою, а остальное переломали или перебили. Ливингстон был теперь лишен всего своего имущества, но он высказывал сожаление только о книгах и был скорее доволен, чем огорчен освобождением от лишних забот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.